

25 января 2022 года обсуждались вопросы, связанные с переменами в российской жизни в первые десятилетия XXI века: пандемия и ее последствия, судьба культурного наследия, место архитектуры в динамике общественных процессов; освоение Крайнего Севера; необходимость развития востоковедения и востокоориентированного образования. В обсуждении принимали участие градостроители, архитекторы, культурологи, компетентные представители власти и высшего образования.

Ключевые слова: российская и восточная культуры; наследие; инновации; культурный диалог; Иркутск; монополярность и многополярность мира; пандемия; образование.

On January 25, 2022 the discussion was focused on the issues related to the changes in Russian life during the first decades of the 21st century: pandemic and its consequences, the fate of cultural heritage, the place of architecture in the dynamics of social processes; the development of the Far North; the need for Oriental studies and education oriented to the East. Urban planners, architects, culturologists, and competent representatives of the government and higher education took part in the discussion.

Keywords: Russian and Oriental cultures; heritage; innovations; cultural dialogue; Irkutsk; monopolarity and multipolarity of the world; pandemic; education.

Восточный поворот: дискуссионный клуб пб / The eastern turn: pb discussion club

текст

Елена Григорьева
Константин Лидин
Сергей Маяренко
Александр Гимельштейн
Андрей Макаров
Виталий Барышников
Алексей Чертилов
Марина Ткачева

подготовка текста
к публикации

Марина Ткачева

фото

Татьяна Анненкова
Евгения Сурикова /

text

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin
Sergey Mayarenkov
Alexander Gimelstein
Andrey Makarov
Vitaly Baryshnikov
Alexei Chertilov
Marina Tkacheva

prepared for publication by
Marina Tkacheva

photos by

Tatyana Annenkova
Evgeniya Surikova

Елена Григорьева Сегодня нам предстоит обсудить широкий круг вопросов. Влияние пандемии на мировые процессы, и может ли это бедствие повлиять на наш образ жизни в дальнейшем. Тема геополитических перемен, которые налицо: конец монополярности, которая просуществовала 30 лет и сейчас явно идет на спад. Появляются крупные игроки, глобальный Юго-Восток развивается опережающими темпами, обещая занять лидирующие позиции. Россия тоже в центре мировой повестки. В нашей стране амбициозные заявления на высшем уровне осибирских городах-миллионниках и развитии инфраструктуры тоже говорят о некоей переориентации на восток и северо-восток.

Интересно, как эти перемены, а именно восточный поворот, коснется перспектив Иркутска и региона. Мы понимаем, что Иркутск – один из крупных городов, расположенных на инфраструктурном хребте страны – Транссибе и, одновременно, он один из крупных городов, территориально приближенных к азиатским «тиграм», без которых уже нельзя представить будущего. Не случайно, когда Сергей Маяренко презентует наш проект по Байкальску, в преамбуле он акцентирует тот факт, что в радиусе 2 тысяч километров Байкала живет 500 млн. человек (понятно, за счет какого государства эти цифры).

Предлагаю оценить потенциал города и области на фоне восточного поворота. Какие ресурсы могут оказаться востребованными? Возможно то, на что мы не обращаем сейчас внимания, станет актуальным уже в ближайшем будущем. Что надо делать сейчас, чтобы подготовиться к участию в этих масштабных переменях? Поговорим о дефицитах города и области.

Константин Лидин Тема «восточный поворот» была предложена мною. Сейчас я не в России; отсюда немного по-другому выглядят процессы, которые происходят везде, особенно в Иркутске.

У России с одной стороны Америка, с другой – Китай. И с обеих сторон запускаются крупномасштабные инфраструктурные проекты. Вряд ли это случайно: экономические причины заставляют. Мировая экономика затормозила: очень сильно повлиял COVID-19, во многих регионах явно просматривается стагнация. Довольно

проверенный прием вывода экономики из застоя – это крупномасштабные инфраструктурные правительственные проекты. Примерно таким способом Ф. Рузвельт выводил США из Великой депрессии, чуть позже Гитлер похожими приемами поднимал экономику Германии. Позже гитлеровские инициативы приняли совсем другое направление, но в начале 1930-х годов, пока еще был жив Гинденбург, правительство Германии предлагало именно такие проекты: строительство дорог, новые города, привлечение безработных к общественным работам, пусть и с минимальной зарплатой.

Сейчас Китай без особого шума запустил проект освоения северо-западных пустынных регионов: они уже озеленили около 1 млн. км² пустыни; такого тоже не было никогда в истории человечества. Как известно, если Китай поделить по диагонали, то в юго-восточной части страны живет 98% населения, а северо-западной – 2%. Проект направлен на то, чтобы выровнять данный дисбаланс и постепенно заселять территории Внутренней Монголии и северо-западных регионов, включая Синдзян-Уйгурский автономный округ. Этот проект начинает плавно сростаться с проектом «Один пояс – один путь» с выходом в Пакистан, Афганистан и далее в Среднюю Азию вплоть до Европы.

В США ничего конкретного еще не сделано. Байден с шумом объявил начало гигантского проекта в несколько трлн. долларов «Инфраструктурная модернизация США». Не секрет, что основная инфраструктура США была построена не позже 1970-х гг. и за 50 лет пришла в изрядный упадок: железнодорожные пути находятся в безобразном состоянии, скоростных железных дорог практически нет, гордость США – автомобильные дороги во многих регионах тоже разрушаются из-за отсутствия надлежащего ухода. Рост цен на топливо оказывает негативное влияние на углеводородную энергетику, подрывает основу транспортной системы, которая держится в основном на автомобилях. Опубликованный план Байдена подразумевает распределение бюджета. Что именно будет строиться – не объявляется. Идет бурное обсуждение, сколько какая отрасль получит денег из бюджета. Американская манера: главное – деньги найти, а остальное должно произойти само собой.

Мы оказались между двумя этими центрами: у нас особого шума нет, но пока и особого дела не видно. Премьер-министр Мишустин выдал задание окологovernmentальственным группам экспертов; было подготовлено 3 плана: в области искусственного интеллекта и цифровизации экономики, в области технологических прорывов (развитие передовых технологий) и в области строительства. Наиболее успешный проект получился у команды Хуснуллиной, и сейчас он обсуждается для реализации. Мне удалось найти только презентацию проекта. Кроме правительственных документов, фактически это единственный документ для открытого использования. По презентации видно, что планируются основные вложения на общую сумму около 22 трлн. рублей. Это меньше, чем у американцев, но у нас и коррупция менее масштабная. Для современной российской экономики сумма довольно заметная. В основном это дорожное строительство, развитие городов в азиатской части страны. Идея, озвученная Шойгу, что в Сибири должно появиться несколько городов-миллионников – это часть проекта «Агрессивное развитие инфраструктуры».

Существенный элемент плана – освоение Арктики. Предполагается, что Арктика будет теплеть, для чего существуют надежные научные данные; ледовый покров будет становиться тоньше и слабее, и на этом фоне предполагается строительство еще нескольких крупных атомных ледоколов. Напомню, что Россия за последние пять лет построила 2 атомных ледокола предельной мощности, целые плавающие города. Планируется построить еще четыре. Соответственно, если появится такой флот атомных ледоколов, то Северный морской путь начнет выглядеть гораздо привлекательней для мировой торговли, что может привести к развитию региона вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Сергей Маяренко Конечно, восточным территориям необходимо включиться, потому что строятся ледоколы, порты, из-за потепления появляется длительный благоприятный сезон. Мы имеем отношение к г. Приморску (мы там делаем проект). Могу сказать, что там развивается портовая инфраструктура. Это серьезный проект.

КЛ Названные процессы уже идут и вряд ли повернутся назад: в Европе кризис и упадок. Идет что-то вроде затяжной гражданской войны, и сотрудничать с Европой становится все труднее и труднее, хотя многие в это не верят. Совершенно неизбежный вывод – надо осуществлять поворот к Востоку, который мы в данный момент и наблюдаем. Исторические прецеденты показывают, что раньше это был двусторонний процесс: с одной стороны идет экономическое оживление – мощный подъем, приток трудовых мигрантов, ускорение оборота денег, неравномерный, но быстрый рост уровня жизни. Но у этого процесса есть и теневая сторона. Особенно если оглянуться на Китай, где отношение к историческому наследию неоднозначное. Здесь крайне редко можно обнаружить бережное отношение к культурному (архитектурному) наследию; сохраняются только точечные исторические строения на фоне массового гигантского уничтожения культурно-исторического и архитектурного наследия.

В Америке сохранять особенно нечего: там вся история занимает 300 лет. Но в принципе происходят похожие процессы: тоже происходит много культурных катастроф, наблюдаются провалы в образовании, в общей культуре населения. Экономический скачок, таким образом, представляет собой огромную опасность в идеологическом и культурном отношении. В Германии такой скачок закончился в 1930-х гг. одичанием, появлением национал-социализма в его фашистском изводе. Соответственно, как пишет Нассим Талеб в «Черном лебеде»: «нельзя предсказать катастрофические повороты, но можно быть к ним готовыми». Что мы можем сделать, чтобы лучше подготовиться к возможному катастрофическим, быстрым, глубоким, кардинальным, обнадеживающим, а с другой стороны угрожающим поворотам?

Александр Гимельштейн Я не совсем понимаю, как катастрофические изменения могут быть обнадеживающими? На то они и катастрофические, чтобы никак не обнадеживать. Я хотел поговорить о декларируемом повороте на Восток. Почему мы должны повернуться к востоку? Мы абсолютно, по-младенчески наивны в части постижения восточной культуры, ею совершенно невозможно овладеть за считанные столетия, в том числе

потому, что не существует религиозной среды. Если мы и можем считать себя в значительной степени европейцами, то из-за того, что Россия исторически православная страна (христианство – суть европейской цивилизации). Академик Чубарьян говорит, что в России было европо-ориентированное образование, а теперь оно станет комплексным, и мы начнем наконец-то заниматься Латинской Америкой, Африкой и Азией. В какой мере присутствуют эти тенденции? – В мере, доступной для понимания. У нас и европейская история для школьников всегда была либо чересчур сложна, либо чересчур примитивна: в обучении середины нет. Возвращаясь к теме обращения к Востоку, я могу сказать, что отсутствует какое-либо сродство культур (мы – только внешние наблюдатели), сродство религий, мировоззрений, в том числе отношение к историко-культурному наследию. Кроме того, мы понимаем, что наше историко-культурное наследие – это наследие нас как европейцев. Даже наш собственный доимперский период не представлен, а вся имперская культура – изначально заимствованная европейская культура, впоследствии развитая нами (вся живопись, кроме русского авангарда, у нас заимствована). Даже иконопись является европейской, византийской. Поэтому я не понимаю, как возможен наш поворот на Восток.

Нам хочется широко раскрыть двери для инвестиций с Востока в инфраструктуру, связанную с экономическим развитием. Но напомним, что еще К. Маркс подчеркивал: экономическое и политическое влияние неразрывны. Сколько это создаст проблем и еще больше – фобий, мы можем представить. Даже при мизерном присутствии китайского влияния в Иркутске фобий уже миллион. А представим, что будет? Это будут не фобии, а погромы. Такое у меня деструктивное выступление, касающееся нашей темы.

СМ Мне хотелось бы вернуть дискуссию в рамки темы журнала, который ставит на первое место градостроительные вопросы. Иркутск в последние 100 лет был центром политики освоения восточных территорий, но довольно существенно утратил эту функцию. Перед Иркутском стоит вопрос: какое место он займет, какие системы расселения соответствуют современности? Уже

сейчас понятно, что они должны быть гибкими, адаптивными, легкими и меняющимися. Отражение этой концепции – освоение недр вахтовым методом. Вахтовые поселки как альтернатива советским полноценным поселениям с социальной инфраструктурой (школы, детские сады, население, спортивные комплексы) – серьезная альтернатива той модели, которую разворачивал Советский Союз. Какие стратегии соответствуют освоению, более привязанному к территории, а когда можно использовать «легкие» концепции? Весь мир сейчас экспериментирует с гибкими, «легкими» городами. Фестиваль «Burning Man», проходящий в пустыне Невада – эксперимент короткой жизни целого города: сюда собираются и живут десятки тысяч людей, а после этого город стирается «под ноль». ICG – экологическая повестка, развернутая в данную логику: какими должны быть города, чтобы они оказывали наименьшее влияние и были природопозитивными; эта повестка очень важна для наших городов. Мы недооцениваем роль третьей промышленной революции. Мне повезло, что уже 10 лет в Иркутске мы проводим целую серию ежегодных мероприятий, основным идеологом которых являлся П. Г. Щедровицкий. Он показывал, как Россия уже 300 лет идет на Восток и как эта тенденция развивается. Я хотел бы сосредоточиться на другом: планирует ли Сибирь движение в общество потребления или предложит более осмысленную модель, бережно относящуюся к тому, что соответствует месту, где мы живем, показывающую смысл жизни в зимних городах? Мне кажется, сейчас модель не построена. Если в советской модели главным стимулом были высокие зарплаты, то сейчас проживание здесь нуждается в пересмотре идеологии, в ответе на вопрос: для чего и как здесь стоит жить? Решение напрашивается: нужна ответственность за данную территорию; часть населения, управляя и осваивая ее, должна решать глобальные человеческие проблемы, чтобы мы заявили себя частью общего мира, в том числе в освоении Арктики, сохранении зеленых территорий, чистоты воды, миграциях. В их решении сейчас мы не участвуем, занимаясь локальными вопросами. Если будет правильно выстроена смысловая модель жизни на этих территориях, сразу станет понятно, какие люди будут здесь нужны. Это большой вызов. Подобной

повестки не существует, мы не умеем работать с приезжими так, как это было бы выгодно и безопасно для нас и для них в рамках экономики. Мы выстроили систему барьеров и страхов, практически полностью запретив участие иностранных агентов в развитии территории. Или мы научимся это делать, или мы будем им противостоять и жить страхами, что у нас все отберут. Есть много инструментов, с помощью которых можно управлять территорией без потери суверенитета. Еще один важный аспект: мы утратили способность к комплексному развитию больших территорий страны, которая существовала в советское время. Только сейчас появляются ее зачатки: объявили 22 мастер-плана крупнейших городов Дальневосточного региона, и мы уже приняли участие в первой сессии. Очевидно, что планы сводятся только к организации комфортной городской среды, но не к логике развития новых экономических моделей, новой занятости, новой системы расселения. Многие вопросы даже не формулируются, а мы не можем позволить себе их избегать.

ЕГ Мастер-планы для городов как раз и должны показать стратегию их развития, которая при всем к ней уважении, конечно, не может сводиться к состоянию среды.

Для Иркутска было бы благом участие высоких профессионалов в развитии территорий, как российских, так и иностранных. Но – настоящее участие. В прямом диалоге, а не через посредников (застройка ЦЭС).

Осуществляется плохая тенденция появления поверхностных, неглубоких проектных предложений, сделанных фирмами, имеющих выходы на разные уровни власти. Это большая опасность. Влиятельные монстры, которым покровительствуют в высших сферах, устремились в регионы. Очень не хотелось бы, чтобы находки и завоевания иркутских архитекторов, касающиеся городской среды и идентички, не принимались во внимание, а все ушло бы в столичные структуры, мощно работающие локтями.

Андрей Макаров В 2002–2003 гг. мы плотно работали в Китае. Китайцы пригласили нас для восстановления исторической улицы г. Харбин. Они хотели восстановить ее историю, подчеркивая, что это история русская. К сожалению, в 2004–2005 гг. проект закончился. Когда

они начали осознавать свою самобытность, их перестала интересовать история ордынско-русская. Над проектом тогда работали организации из разных стран. Идея была пропущена проектировщиками через себя; в итоге китайцы извлекли тренды для себя и сегодня активно, не оглядываясь, идут собственным путем. Это перемены, которые для меня очевидны. Уехавшие в разрушающуюся Европу друзья и знакомые, в основном представители среднего и малого бизнеса, настроены панически. В России в целом такой катастрофы еще не произошло – мы привыкли из любых ситуаций выкручиваться. В Европе очень важна профессиональная специализация и практика: строитель там не может стать врачом и наоборот. Поэтому европейцы в сложнейшей ситуации: огромное количество людей осталось без работы. С исчезновением прослойки среднего класса поляризация нищих безработных и богатых демонстрирует разрыв и пропасть, очевидные для всех. Путь на Восток я считаю более перспективным в условиях сегодняшних «катаклизмов» в Европе.

СМ Я уже сказал, что мы разучились комплексно осваивать территории. Это своеобразная «машина времени»: строятся заводы, социальные объекты и т. д.), приходят технологии и подготавливаются кадры. Все эти проекты комплексно запускаются, и есть самодостаточный «контур», структура, чтобы его запустить. Мы на пороге того, что умеем делать отдельные элементы, но не общие просчитанные серьезные модели, которые были бы так разработаны, как в свое время реальный комплекс Усть-Илимска или Братска. Эти системы несравнимы по масштабу, мощности и подходу с сегодняшними. Вызов в том, что сейчас частная собственность и субъекты сами вольны двигаться туда, куда они хотят. Нужны другие механизмы, которые могут запустить правильное комплексное развитие. Не решив этих задач (а теоретических оснований для их решения я пока не вижу), мелкие эксперименты, которые мы делаем в Иркутске, являются только прообразом решения. Например, 130-й квартал, Иркутские кварталы, Байкальск или кампус вполне могут быть прообразами решения комплексного проекта. Но политиков для решения таких проблем я не наблюдаю. Это первое.

Второе. Мы были заложниками централизации образования: в центрах разрабатывались технологии, на заводах строилось оборудование, а здесь мы строили объекты и эксплуатировали их, системно не создавая экономику на самой территории. Сможем ли мы на местах создать такие центры инноваций и знаний, которые будут ориентированы на систему расселения и зимних технологий, на эффекты, которые можно извлечь именно из этой территории? Наш путь – это формирование центров знаний. Так, Иркутский технический университет в своей стратегии развития всерьез планирует стать университетом, который пространственно может организовать территории и решать задачи промышленности и технологий. На территории, где есть резкий перепад температур (мы их называем зимними городами; в России их очень много), достаточно велик набор зимних технологий и эффектов. Если ИРНИТУ станет таким центром знаний по данным технологиям, в том числе и переработки леса, и по работе с такой территорией, мы начнем превращать заготовки и обработку леса в настоящую инженерию и цифровизацию леса – это огромная экономика, несопоставимая и несравнимая с производством круглого бревна, которое мы считаем экономически ценным. Экономика леса гораздо сильнее и масштабней: подлесок, рекреации, кислород и другие экономические инструменты. Если мы создадим здесь реальных участников данного процесса, то кто бы сюда не пришел, им придется считаться с теми, кто умеет с этим работать. Если такого комплексного процесса не будет, то мы не субъекты развития.

Третья технологическая революция показывает новые возможности для развития самих территорий. Сможем ли мы самостоятельно создать такие центры развития? Это предпринимательская модель развития территории: самостоятельность территории осуществляется на основе ее автономного развития. А как удержать здесь население? Первое – здесь должен быть смысл жить, а второе – здесь должна быть целесообразность и качество жизни, которое не должно быть хуже, чем где-то. Уровни зарплаты, проектов, самореализации должны быть сопоставимы. А этого можно добиться только путем правильного использования территории, ресурсов, природы,

чтобы люди, которые получают здесь образование, были приспособлены к ведению проектов и трудоустройству на этой территории. Тогда они будут зарабатывать больше, чем где-то, потому что так устроена будет их система знаний. Если эту задачу решить, есть шанс, что люди будут оставаться осмысленно, не будут чувствовать себя ущербно и думать, будто они остались только потому, что них просто не хватило средств уехать.

ЕГ Знание истории касается одновременно и истории края, и проблемы укоренения населения. Она нам очень близка, мы не раз касались ее в дискуссионном клубе пб. Какова ситуация сегодня: отток или приток населения из региона?

СМ Активный, огромный отток с территории произошел в 1990-е гг. Россияне, если посмотреть на историю последних 20–30 лет, самая подготовленная и закаленная для перемен нация. Особенно если учесть политическую и экономическую ситуацию в мире и на местах, в частности, в Иркутске, где за 15 лет сменилось 7–8 губернаторов. Период перемен и наше 30-летнее бурление могут дать хорошее преимущество: не пасовать перед изменениями, а реально извлечь из них выгоду. Население не просто убывает, а заменяется менее квалифицированным контингентом приезжих. Более квалифицированные, самые талантливые специалисты уезжают; социальный лифт полностью занят в административных системах, корпорациях, компаниях, университетах. И когда специалисты видят застой в социальных лифтах – уезжают туда, где есть возможность карьеры.

АГ Кто сказал, что уезжают талантливые? Возможно, это охотники перемены мест – а это не критерий талантливости. Всегда была часть людей, которая хотела уезжать, есть целая нация, которая построена на этом. Как известно, американцы никогда не учатся в университете в родном штате, и только малая часть людей возвращается домой; на такой мобильности построена система государства, традиции и принципы.

Виталий Барышников А разве уезжать – это всегда плохо? Я в этом не уверен. Если тут будут прекрасные условия для работы, сюда будут приезжать ровно так же, как уезжают куда-то.

ЕГ Отток происходит и из опасения, что сокращение производства, объектов и уровня образования – это устойчивая тенденция.

СМ Но я бы хотел акцентироваться на том, что талантливых и мобильных уезжает гораздо больше, чем приезжает людей такого качества.

АГ Разные мобильные люди уезжают – и талантливые, и неталантливые. Есть люди, которые стремятся в большие корпорации в Москве, а есть те, которым лучше быть на месте руководителя организации, чем в центре – 26-м клерком. А для глобальной экономики и Москва – деревня.

ВБ Но перемещение в пространстве не равно вертикальному социальному лифту. Поэтому уезжать люди могут, но не факт, что они повышают статус по вертикали.

ЕГ Это особенно заметно в отношении эмигрантов; чаще всего они теряют свой статус, иногда резко.

АГ Нам нужно экономическое развитие, а повышение уровня оплаты для того, чтобы молодежь оставалась – это не цель, а следствие. Единственная правильная цель – это развитие территории во всех областях. И если это идет как закономерный процесс, то никуда не денутся те, кто хочет остаться здесь, а далее к ним присоединятся и из других регионов.

Марина Ткачева Когда-то я готовила книгу о совместном японско-российском деревоперерабатывающем предприятии в г. Свирске. В одном кабинете сидели и российские директора, и японские; в Японии структура управления предприятием зеркальная. От молодого японского директора, который весьма прилично говорил по-русски, я услышала: я бы здесь задержался, потому что здесь нахожусь в экономически более выгодном и свободном положении, чем в Японии. Но ведь кроме работы, мне здесь абсолютно нечего делать: негде развлекаться, негде удовлетворять свои внерабочие интересы (хобби). Если применять пример к российской реальности, дело тоже в этом – если человек работает креативно, ориентирован на нестандартное выполнение своих обязанностей, никакая экономика и никакое развитие территории не будет эффективно осуществляться

без огромной «подушки» культурной базы (бэкграунда), на котором оно и строится и о котором никто не вспоминает. У нас Мацуев каждый год приезжает на фестиваль, дает концерты. Но этого разве достаточно для такой огромной территории? Разве он поедет в более мелкие города для того, чтобы там регулярно проводить фестивали?

ВБ Проблема в отсутствии инфраструктуры: где там выступать?

МТ Да, и я об этом. Вот в одном из городов области давал концерт очень талантливый иркутский пианист. Сел попробовать рояль и говорит: совершенно нет звука. Оказывается, работники посчитали, что слегка облупленный черный рояль не годится; они его взяли и выкрасили белой краской. А в рояле звук образуется за счет резонанса, создаваемого в том числе и специальным лаком. В итоге «облагораживания» звук пропал вообще, инструмент превратился в деревяшку.

Но даже если ресурс приобщения к культуре существует, много ли народу к нему обращается? Например, развитие интернета – один из плюсов COVID-19: музеи открывают онлайн-экспозиции, театры – онлайн-просмотры. К этим ресурсам обращаются очень немногие. Но если я почувствую, что интернет – недостаточно емкий и аутентичный способ обращения к искусству, мне будет более комфортно, если получу доступ к прямому общению с искусством на месте, и здесь играет роль экономика. И пусть это будет городская среда или небольшое этнографическое сообщество, которое демонстрирует культурные ресурсы места, которые сохранились в некоторых малых деревнях и городах, показывает ценность того, как живут люди. Их необходимо втянуть в общий котел, не испортив все существенным образом.

АМ Конечно, некоторые возможности дает Москва: шопинг, музеи, театры и т. п. Но жить в такой тесноте и загазованности отнюдь не всем нравится; они предпочитают чистоту и свободное пространство.

ЕГ В Забайкальском крае есть деревня Тужи, которая сейчас является одним из самых ярких и самым посещаемым местом края. Там родился Даши Намдаков. За несколько лет он «перенастроил» жизнь своей семьи,

сделав родителей, сестер и братьев полноправными участниками большого творческого сообщества. Следом перенастроилась и родная деревня, став достопримечательностью края. Даши, имеющий успех в Италии и Лондоне, возвращается в свою маленькую деревеньку, привносит новый импульс на свою малую родину и переплощает ее. В Европе ему скучно.

Алексей Чертилов Уже говорилось, что оборотной стороной перемен и изменений является сохранение, реконструкция не утративших ценностей объектов и структур. К ним относится и строительство новых портов, и возрождение портов заброшенных; это увеличит возможности мобильности населения. Пора и Иркутску вернуть адмиралтейство. Если верить мировым тенденциям волнообразного развития общества, то мы сейчас находимся «на дне». Значит, должен быть подъем. Но не очень верится, что нечто позитивное происходит с наследием. Сегодня даже юридически оформленные памятники исчезают на глазах. Хочу надеяться, что изменится хамское отношение к культурному наследию. Те, кто сейчас находится рядом, культуру работы с памятниками не впитали, у них нет возможности завтра ее развивать. А кто этим будет заниматься завтра?

АМ Наследие – это то, что мы настроили за последние 300 лет? А Байкал?

АЧ Естественная среда жизни человека – то, что портить нельзя в принципе. А есть искусственно созданная среда, которую надо беречь, охранять и развивать. Есть ли надежда, что России коснется мировая волна, где наследие рассматривается как объект развития, а не просто объект модификации и реставрации? К сожалению, очень часто бывает, что объект наследия преобразовывают, уничтожая первоначальный его облик и функцию. Но есть и удачные примеры, когда новации, реставрации применительно к определенным объектам сочетаются.

ЕГ Все команды урбанистов в проектах малых городов опираются на редкие памятники, находящиеся там, и от них развивают среду, которая вызывает интерес и иногда восхищение экспертов. И получают для города грант, дающий возможность изменений к лучшему. Наследие в малых городах становится градообразующим, средообразующим началом.

АЧ В Иркутске есть мощное сообщество, которое занимается наследием. А вот в Чите нет такого сообщества. Объекты наследия в Чите есть – они запущены, но выглядят вдохновляюще. Не могу понять, почему там, где предпринимаются усилия и есть кому памятниками заниматься – они уничтожаются, а там, где усилия не предпринимаются – там дело обстоит подчас более благополучно?

ЕГ В Иркутске перемены наметились в отношении к наследию – но это такие невеселые качели: взлеты и тут же падения.

ВБ Хочу вернуться к непосредственной теме «стола». Во-первых, почему восточный поворот? Для Китая освоение северо-западных территорий и распространение влияния на бывшую советскую Среднюю Азию – это не восточный поворот, а наоборот. Во-вторых, есть несколько антиподов развитию городов, вахтовых поселков. Удержание территории всегда было имперской стратегией. Но при переходе в виртуальную реальность неважно «держат» точку доступа, важно ее иметь в любой точке планеты. Мы ситуацию воспринимаем изнутри, и для нас города Сибири – родные города, точки опоры. Но может быть, мы поставим знак их равенства с поселениями на севере Амазонки или в Центральной Африке? Они тоже считают свои места центром все-

ленной, но никакого влияния на глобальные процессы не оказывают. Может быть, мы – просто площадка столкновения цивилизаций Востока и Запада? Не субъекты столкновений, а поляна, на которой высокие договаривающиеся стороны меряются силами, не учитывая наших интересов? Вода, гидроэнергетика, лес, ветер, солнце – это возобновляющиеся ресурсы, но сейчас просто-напросто идет выкачивание ресурсов, после которого останется разрушенная природа, не имеющая никакого экономического интереса, чтобы там оставаться. Не так много осталось территорий на планете, не освоенных цивилизацией: Центральная Африка, Амазония, Сибирь и северо-восток России. Последние две – это территории нашей цивилизации. Но только мы их так воспринимаем, а остальные страны и народы могут воспринимать как несправедливое распределение ресурсов. Желание зайти на данные территории под разными «соусами» есть у многих. Вот точка зрения на то, как это столкновение будет происходить без нас. И заход сюда крупнейших корпораций – это отношение к нам как к несущественному фактору развития территории и страны. Нас не замечают. Это самый обидный вариант, который не хочется рассматривать. Далее. В чем наша ценность? У нас есть опыт взаимодействия с природой, но это очень кустарный опыт, он не воспроизводим в промышленном масштабе. Центр управления Байкальскими проектами должен находиться в Иркутске, потому что у нас есть опыт взаимодействия с экологией. Мы – некие разведчики и следопыты, которые в тайге чувствуют себя прекрасно, но не влияют на стратегию освоения территории.

АГ Для того, чтобы у нас внутри что-то развивалось, у нас есть два фактора, оба гарантирующие налоговые поступления территории. При этом второй из них является и проклятием. Первый – это электроэнергетика и гидроэнергетика, они дают нам дешевый киловатт, который стимулирует строительство производств. А проклятием является лесозаготовка. Если бы она не была постоянным и бесконечным донором бюджета, развитие региона вынужденно бы интеллектуализировалось. А нынешняя хладнокровная позиция такова, что бюджет так или иначе пополняется за счет восстанавливаемого ресурса и в общем больше ничего не надо делать: Сибирь типа от голода не помрет.

ВБ Тогда и не надо вкладываться в интенсификацию?

Если соединять центры развития частей света (Северная Америка, Европа и Азия), то понятно: азиатско-европейский трафик идет чуть южнее, по Шелковому пути, мимо нас, но азиатско-американский трафик лежит через Северный полюс. Для его осуществления нужны промежуточные станции, порты, куда мы попадаем. Сегодня это экономический проект, но он определяется политикой. В связи с нарастанием напряжения между двумя центрами желание соединить их отсутствует. Россия в данном случае могла бы быть цивилизационным и географическим коммуникатором. Сегодня мы им не являемся, либо нас с этого помоста выдавливают. Мы «не свои» для европейцев, и точно – мы не люди Востока.

Китай сейчас – это рынок планеты. Кем бы не стал человек и где бы он не находился, понимание культурных основ и языка этой цивилизации даст человеку бесконечные возможности. Но я не вижу в иркутских вузах интереса к восточному соседу: мы все равно остаемся «заточены» на изучение европейских языков, культуры, стандартов, образования. Возможно, это как-то связано с пандемией. Мы сами себя не делаем переводчиками, без которых невозможна коммуникация. Мы привыкли быть стороной переговоров, а не инструментом переговоров. Возможно, это наша проблема.

В Иркутске есть уникальное свидетельство того, что люди здесь жили десятки тысяч лет. Мы сейчас

планируем сделать буклет для детей «Иркутск 10 тыс. лет назад» как пример древней байкальской территории, но города не были зафиксированы. Для большинства людей – это вроде кладбища, «города мертвых». Но это просто другая модель цивилизации.

КЛ Европы нет, это устаревший нарратив! Он утратил смысл 50 лет назад. Европа расколота на два огромных класса, причем раскол прошел по линии, которой раньше не бывало: по линии салиариат – прекариат. Первые – служащие корпораций в государственных структурах. Эти люди все больше походят на рабов: они – «рабы системы», рабы пожизненного найма, из которого сложной уйти. Им гарантирован определенный стиль и уровень жизни: так сказал им «хозяин». И есть гигантская масса, которая не привязана к жесткой структуре: прекариат, креативная часть населения, представляющая огромную долю экономики, как описано в книге современного футуролога Тоффлера «Шок будущего». Таковы элементы коммунизма в современной западной экономике. Ярким примером является интернет-ресурс «Википедия». Множество элементов, которые мы не осознаем, создаются на принципиально другой, коммунистической экономической основе. Субъектности внутри новой социологической ситуации никто не дает, субъектность берут. Неважно, кто что про нас думает; важно то, что мы сами думаем о себе. Таким образом, мы можем стать рабами очередной системы. Разница только в том, какую систему мы выберем. Сейчас у нас есть возможность не попадать в очередное культурное рабство, а выбрать культурный суверенитет. Но не надо думать, что нам его кто-то преподнесет. Если мы будем продолжать ориентироваться на то, что про нас думают другие страны, ничего самостоятельного не выйдет; мы так и останемся некими промежуточками, вторичными элементами. В этом случае с нами будут делать то, что посчитают нужным, но у нас самих вряд ли спросят. К этому мы тоже можем прийти, но хотим ли мы этого?

СМ Если возобновлять разговор о культурном наследии, то реновация 130 квартала ценна в первую очередь как способ придания эффективности уже разрушенному месту. Мне кажется, надо решать вопрос, стоит ли наследие на пути прогресса и насколько оно включено в современную повестку развития. Все сохранить не получится; я понимаю позицию охраны, но она в какой-то степени безответственна по отношению к наследию, если не понять, что и как должно быть включено в него сегодня. Если на этот вопрос сегодня не ответить, то с таким уровнем сохранения нам остается только музеефикация. А если у страны нет денег на музей? Вопрос наследия всплыл в очередной раз. В Сеуле все снесли, только несколько дворцов королей осталось. С началом автомобилизации узкие улицы городов начали расширяться, а сейчас происходит переход к пешеходизации. По идее, не снесенные плотно застроенные городки могли включиться в современную действительность, но с другой стороны условия планировки были бы слишком жесткие.

Другой вопрос – о северной линии связи европейского континента и Америки. Когда был Транссиб, его концепция играла очень интересную роль. Сейчас по-другому: северные пути, связка большого пояса «Один пояс – один путь» его заменила. Вспомнился рассказ Гастева о северных концепциях будущего: интересно было бы сегодня почитать про «Восточный экспресс» и «Северный экспресс». Именно там северный экспресс идет по территориям вплоть до Чукотки. Несмотря на то, что рассказ написан более ста лет назад, он звучит очень футуристично даже сегодня. Иркутск определен в нем как «город конгресса». Я приравниваю это к концепции города знаний, потому что здесь должен быть город

знаний, коммуникаций, общения вблизи Байкала. Это интересная история, которая просматривалась уже сто лет назад. Вспомним, что для русского человека и сибиряка очень ценна история освоения, экспедиций, движения в просторе, который является одной из ключевых ценностей русского сознания. Это «в крови», это дороже денег и спокойной работы в корпорации.

АМ Мы существуем не так давно. Мы уничтожаем не только деревянные домики, мы уничтожаем гораздо большее. Страшное преступление – то, во что мы превращаем наши великие озера. Когда видишь, во что превращается окружающая среда, становится страшно. В Красноярске губернатор инициировал региональный градостроительный закон о сохранении тех или иных территорий; почему мы в этом направлении совершенно не думаем? Мало того, что не думаем, нет никаких инициатив по этому поводу. Я не умаляю значения наших деревянных архитектурных памятников, это очень важное и нужное наследие. Но «просторы» – рыбки, зелень, моря, леса – они тоже важны, и мы должны что-то в этом плане делать.

АЧ Правильно. У нас идея исторических территорий теоретически была отлично развита институтом культурного природонаследия, эта тема сохранилась в научных сборниках, статьях и книгах; территории рассматривались глобальнее. Периодами был всплеск, потому что россияне, живя в этих просторах, не могли их осмыслить, ибо их было слишком много, а когда много – ценность пропадает.

ЕГ «Город знаний» – это важный акцент. В нашей профессии я ощущаю острый дефицит научных исследований. Недопустимо проектировать города в 8–9–10-балльной сейсмике без карты микросейсмозонирования. Нельзя заниматься застройкой исторического центра Иркутска без полноценного исследования динамики уровня грунтовых вод (меняется на наших глазах). Градостроительным развитием нельзя заниматься по-дилетантски. Иркутск какое-то время был Городом знаний, на этом стоял.

Послесловие

ЕГ Беспокоит, что жители прекрасной Читы и любимого Иркутска недостаточно знают про свой город, край, про свою природу и историю. Если бы они знали больше – они бы больше их любили, чаще возвращались в родные места, придумывали проекты для своей занятости здесь.

АГ Для этого важно в большей степени внедрять такие вещи, которые должны увлекать в рамках городских, областных и региональных программ. Особенно актуально это для территорий, у которых есть проблемы с самоидентификацией. Например, у жителей Иркутской области не существует односложного самоназвания. Возможно, если бы регион в свое время приобрел статус Прибайкальского края, закрепилось бы для нас наименование прибайкальцы, а пока самоидентификации для жителей Иркутской области нет.

СМ Необходимо возрождать тему востоковедческих институтов и развивать их в Иркутске. Мы совершенно не изучаем восток так, как могли бы изучать. Давайте инициируем создание центра изучения востока в Иркутске. Для взаимодействия и работы необходимо подготовить кадры; более того, с нашей стороны необходимо их русифицировать.

ЕГ Несмотря на то, что взятый за аксиому ВОСТОЧНЫЙ ПОВОРОТ был подвергнут сомнению, в дискуссии мы пришли к необходимости развития востоковедения и востокоориентированного образования в регионе, позиционирования Иркутска как города знаний, в том числе знаний о себе самом, природе и истории региона.